

Мотивы сексуальности и эротики в календарной и семейной обрядности удмуртов: символика и этнокультурное своеобразие

Николай Владимирович Анисимов

(Удмуртский государственный университет: Российская Федерация, 426034,
г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2; Эстонский литературный музей:
Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуйзе, д. 42)

Галина Анатольевна Глухова

(Удмуртский государственный университет:
Российская Федерация, 426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2)

***Аннотация.** Исследование посвящено одной из наименее разработанных тем в удмуртской этнографии и фольклористике — мотивам сексуальности и эротики в традиционной культуре удмуртов. Несмотря на табуированность этой сферы и ее маргинальный статус в повседневном общении, эротическая и сексуальная символика занимает заметное место в системе календарных и семейных обрядов. В статье анализируются календарные (гондыр эктытон, ошорок, сійзыл пёртмаськон) и семейные (нуны сюан, сюан-бõрысь) обряды, где мотивы сексуальности проявляются через песенные тексты, обрядовые действия и предметные символы, выполняющие функции аграрной, продуцирующей и репродуктивной магии.*

Исследование показывает, что обрядовый эротизм у удмуртов имеет широкий спектр форм — от откровенно вульгарных выражений до метафор и тонких эвфемизмов. Его карнавальная природа сопряжена с временным снятием социальных и речевых запретов, что делает подобные ритуалы пространством символической свободы и обновления. Особое внимание уделено механизмам ритуальной инверсии, «обрядовой смене пола» и символическому воспроизведению акта зачатия, выступающим средствами магического воздействия на плодородие как природы, так и человека.

Источниковую базу исследования составляют полевые материалы, а также опубликованные фольклорно-этнографические тексты. Статья представляет собой первую попытку комплексного анализа данной темы на удмуртском материале и выявляет ее этнокультурную специфику, подчеркивая актуальность дальнейших исследований.

Ключевые слова: удмурты, обрядовый эротизм, сексуальность и эротика в культуре, продуцирующие обряды, фривольные песни, фривольная лексика, сексуальная магия.

Выражаем благодарность за помощь в сборе материала Анне Тимирязювне Байдуллиной, Яне Леонидовне Зайцевой и Татьяне Аркадьевне Хохряковой, а также Татьяне Григорьевне Владыкиной за ценные комментарии при подготовке настоящей статьи.

Дата поступления статьи: 30 сентября 2025 г.

Дата публикации: 30 марта 2026 г.

Для цитирования: Анисимов Н. В., Глухова Г. А. Мотивы сексуальности и эротики в календарной и семейной обрядности удмуртов: символика и этнокультурное своеобразие // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 1. С. 67–81.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2026.27.1.006>

ВВЕДЕНИЕ

Тема секса и эротики в удмуртской культуре остается деликатной, интимной и отчасти табуированной. В рамках традиционного фольклора и обрядов она воспринимается как нечто комическое, гротескное, забавное или необходимое ритуальное действие. Однако вне этого контекста она вызывает резкое неприятие, возмущение и осуждение. По замечанию Т. Н. Русских, в коммуникативном поведении удмуртов разговор о сексе, особенно при детях, относится к тематическому и речевому табу. Под запретом также нецензурная лексика и шутки с ней [Русских 2019, 79]. Вместе с тем мотивы эротики и секса открыто или завуалированно присутствуют в различных жанрах удмуртского фольклора и обрядах. Специальных исследований этой темы не проводилось; существуют лишь отдельные комментарии, тексты в научных изданиях и сборниках. Впрочем, в более широком контексте исследований секса, эротики и эротизма в народной культуре имеется значительная библиография (см., напр.: [Перевалова 1992; Секс и эротика 1996; Агапкина, Топорков 2001; Eros in Folklore 2002; Чернецкая 2006; Щеглов 2010; Качинская 2017; Качинская 2018] и др.).

Материалами для исследования послужили опубликованные и полевые источники, но в большинстве своем — экспедиционные сведения авторов¹. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, подобного рода материалы, как правило, из-за своей интимности и табуированности вне контекста своего бытования не исполняются, с другой — данная тема в советский период продолжительное время

подвергалась негласному идеологическому запрету, свою роль сыграл и официальный атеизм, наконец, ставить подобные вопросы считалось просто «ненаучным». Сами исследователи отмечают и проблемы с фиксацией материалов на эту тему. В. Е. Владыкин, относя эротические обряды к ранним формам религии, указывает на почти полное отсутствие сведений о них в литературе об удмуртах и предполагает, что они довольно рано исчезли из обрядовой культуры [Владыкин 1994, 137]. Е. Б. Бойкова и Т. Г. Владыкина отмечают, что обрядовый эротизм, присутствующий в текстах песен, является причиной того, что их редко удается записать полностью. Исполнители «вне контекста» обряда обычно смущаются и говорят, что на празднике поют плясовые песни [Бойкова, Владыкина 1992, 15]. Авторы статьи также столкнулись с трудностями фиксации такого материала: информанты часто отказывались, смущались или выражали неприязнь к теме, а иногда отправляли к более раскованным исполнителям. Отметим, что удмурты маркируют любые разговоры и песни на эту тему как «дурные». Вероятно, это связано с народными воззрениями и этнопсихологией: в обычной обстановке общаться на эту тему не принято, так как это нарушает этические каноны и дистанцию общения.

В данной статье будет предпринята первая попытка охарактеризовать и описать мотивы сексуальности и эротики в удмуртской культуре, рассматривая их в календарной и семейной обрядности. Далее будут кратко проанализированы обряды с акцентом на элементы, связанные с сексуальностью и эротикой.

¹ В соответствии с принципами конфиденциальности персональные данные информантов не указываются. Это обеспечивает анонимность информантов и соблюдение этических норм работы с личной информацией.

МОТИВЫ СЕКСУАЛЬНОСТИ И ЭРОТИКИ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ

В народном календаре эта тема ярко проявляется в ряде календарных ритуалов, таких как этап масленичного обряда *гондыр эктытон* (букв.: понуждение медведя к пляске-танцу), весеннее ряженье *ошорок*, осеннее ряженье — *Пукро* (ряженье на Покров), *сйзьыл пёртмаськон* (осеннее ряженье), *шыр суан* (букв.: мышьяная свадьба; «свадьба-vulva»).

Гондыр эктытон. В традиции удмуртов Закамья бытовал исчезнувший в наши дни весенний обряд *гондыр эктытон*, проводимый на Масленицу (*Вой/Войдыр*). Его описание удалось зафиксировать лишь по редким литературным источникам и воспоминаниям старожилов. М. Г. Атаманов, описывая обряд, который проводился в д. Новый Калмияр Куединского района Пермского края, отмечает: в обряде участвовали неженатые молодые мужчины (10–15 человек). Один из них изображал медведя (надевал вывернутую шубу с подушкой для горба, мазал лицо сажей). Они ходили по домам, собирая угощение для пира. Когда «медведю» подавали угощение, он целовал руки и ноги дающего (рычал, но не говорил). Его водили по деревне на узде, били по горбу, а он пытался догнать. Сопровождающие пели непристойные, вульгарные песни сексуального содержания. Девушки от стыда убегали. Каждая хозяйка встречала компанию и подавала угощение [Атаманов-Эграпи 2020, 160–161].

Центральный герой обряда — ряженный в медведя, который, вероятно, воплощает первопредка или мифологического посредника между человеческим и природным/сверхъестественным мирами. В удмуртской и, шире, финно-угорской традиции медведь часто ассоциируется с плодородием, силой и сексуальной по-

тенцией². Его появление в переломный момент календаря (Масленица, связанная с весенним обновлением) указывает на связь с аграрными культурами: медведь символизирует пробуждение природы и возрождение жизненной силы. Ряженный образ (вывернутая шуба, горб-подушка и сажа на лице) подчеркивает карнавальную инверсию и связь с хтоническим, «диким» началом. Активные действия «медведя» (поцелуи рук и ног, рычание, попытки погони, а иногда соития) могут интерпретироваться как ритуальное «домогательство», символизирующее передачу плодородной или магической энергии.

В описанном обряде социальные нормы переворачиваются: молодые неженатые мужчины, ряженные в медведя и исполняющие непристойные песни, нарушают обыденные табу, чтобы обеспечить магический эффект. Стыд девушек и их бегство — часть ритуального сценария, подчеркивающая разделение полов и одновременно их символическое взаимодействие через обряд. Участие только неженатых мужчин может указывать на инициационный подтекст: обряд, вероятно, готовил их к взрослой, в том числе сексуальной роли в обществе.

Частушки во время обряда, как правило, исполнялись на любой плясовой напев, некоторые тексты могли произноситься речитативом.

Гондыр эктытон такмакъяс

Дын-дын «бодйе», Настация-Палагия,
Лесь-лась — питьёк пась.

«Горд нер» съорын «горд чорөг»,
Көрөж папа төңгөлтөк!

Питьёк-папа — дас коньё,
Кулэ дөръяз — көзь коньё.
Изьёне ке башла,
Танкалэсь но орчче, дөр.

² Ср.: у удмуртов Киясовского района Удмуртии во время обряда изгнания нечистой силы *урбеч улян*, если кто-либо из односельчан не встретил процессию и не впустил ее в свой дом, в их адрес могут выкрикивать заклятия: «*Гондыр нылдэс мед мыжгоз!*» (букв.: «Пусть вашу дочь медведь ударит!») Иначе говоря: Пусть ваша дочь <без мужика> забеременеет!» (д. Дубровский, Киясовский р-н, УР. 2018 г.) [ПМА 2018]. Медведь здесь выступает как существо, способное «наказать» или «одарить» плодородием.

(Такмаки для медвежьей пляски

Крепка моя «палка», Настасья-Пелагея,
Лыщ-лащ — <и> невинность потеряна
(букв.: вульва открыта/продырявлена).

За «красным прутом» «красная рыба»,
Кривой пенис-звоночек!

Вульва-пенис — по десять копеек,
Когда нужен — по двадцать копеек.
Когда ложишься (букв.: начинаешь) спать,
И больше рубля, наверное, ценится)
[Анисимов, Пчеловодова 2024, 226].

Тексты таких песен насыщены открытыми образами сексуальности: упоминания о лишении невинности, вульве, пенисе, «красной рыбе» и «палке» — прямо указывают на генитальную символику. Эти мотивы не просто вульгарны, а выполняют ритуальную функцию, характерную для обрядов плодородия. В традиционных культурах эротика в песнях и действиях часто использовалась для магического стимулирования плодородности земли, людей и скота. Непристойные тексты и поведение ряженых, вызывавшие стыд у девушек, усиливали эффект ритуальной инверсии, где нормы повседневной морали временно отменялись, чтобы высвободить сакральную энергию. Даже само исполнение частушек на плясовой напев или речитативом подчеркивает их ритуальный, а не бытовой характер.

Тулыс зумшан / ошорок³/ошорог / ошорог зюон. Этот обряд, как и вышеописанный, ранее бытовал в традиции закамских удмуртов. *Ошорок* проводился на второй день после весенних поминок или четвертый день празднования обряда *Бьдзыннал* (Великий день), приуроченного в настоящее время к православной Пасхе. Имеющиеся источники описывают, как во время обряда старушки, ряженные в отрепья и вывернутые шубы, с лицами, вымазанными сажей,

брали палки и привязывали к поясу морковь / репу / деревянные предметы, имитирующие «мужские гениталии». С криками «И-го-го!» они гонялись за парнями и молодницами, валяли их, тыкая палками/морковью. Попавшихся мужчин пытались раздеть донага, имитируя насилие. При этом они «ржали, как лошади», пели скабрзные песни или говорили: «*Кидыс виятїськом, кидыс!*» (Семена рассыпаем (букв.: заставляем течь), семена!) Считалось, что обряд изгоняет болезни и зло, способствует приплоду скота и росту растений [Миннихметова 2000, 31–32; Владыкина, Глухова 2011, 103–104; Владыкина 2018, 191].

Этот обряд, как и предыдущий, связан с весенним обновлением и аграрной магией. Ряженье старушек в вывернутые шубы, с сажей на лицах и фаллическими атрибутами (морковь, репа, деревянные «гениталии») подчеркивает карнавальную инверсию, где пожилые женщины временно принимают «мужскую» роль, нарушая гендерные и возрастные нормы. Их вызывающие действия (погоня за юношами и женщинами, попытки раздеть мужчин, имитация насилия) символизируют высвобождение сакральной энергии плодородия, передачу жизненной силы, а стыд, вызываемый этими действиями, усиливает ритуальный эффект, как и в *гондыр эктытон*. Возгласы «Семена рассыпаем (букв.: заставляем течь), семена!» прямо указывают на цель обряда: магическое стимулирование репродуктивных сил природы и людей. Нарушение социальных норм создает пространство для временного хаоса, необходимого для магического обновления.

Сегодня *ошорок* воспринимается как постыдное развлечение, поскольку семантика обряда как способа стимулирования продуцирующих сил природы и человека уже утрачена [Владыкина 2018, 191]. Тексты песен этого обряда сохрани-

³ Сегодня термин утратил свое этимологическое значение. Сейчас этим понятием могут пользоваться для обозначения людей, ведущих себя непристойно, вульгарно, одетых неподобающе. В. В. Напольских название обряда относят к заимствованному южными пермянами из аланской традиции в конце прапермского времени: алан. *oša-rānga (женская медовуха) [Напольских 2015, 528–529].

лись в памяти лишь старшего поколения. Н. В. Анисимов и И. В. Пчеловодова отмечают, что во время обрядового обхода деревни ряженные исполняли *ошорок такмакѣс* (частушки обряда *ошорок*), в поэтических текстах которых эротические мотивы и образы являются первостепенными составляющими проводимого действия [Анисимов, Пчеловодова 2024, 23]. Как показало исследование ученых, одни и те же тексты частушек могли исполняться как во время *гондыр эктытон*, так и во время обряда *ошорок*⁴.

Ошорок такмакѣс

Ай, шөр — визьтэм, шөр — визьтэм,
Миньчо сэрегеz пасям.
Ай, пи — визьтэм, пи — визьтэм,
Нөллэз пичөкзэ пасям.

Лө°й-лө°й лө°чинька,
Миньчо берөн Починька.
Палагия, Настация,
Лесь-лась — пичөк пась.

Пичөк-папа марлө кулэ,
Пөрччаськөмтэ но бере?

(Такмаки <весеннего ряженья> ошорок

Ай, мышка — дура, мышка — дура,
Угол бани прогрызла.
Ай, парень — дурак, парень — дурак,
Лишил девушку невинности
(букв.: продырявил вульву девушки).

Спокойно <качаются> качели,
За баней <есть>Починок.
Пелагея, Настасья,
Лыщ-лащ — <и> невинность потеряна
(букв.: вульва открыта).

Вульва-пенис для чего нужны,
Не совокупляться даже если?)
[Анисимов, Пчеловодова 2024, 293].

Ошорок такмакѣс

Анаезлэн песьятаез
Лапча зөлаз пуке, дөр.

Метөр күзьда, синьөс зб°кта,
Ошиськөса көлле, дөр.

(Такмаки <весеннего ряженья> ошорок

Дедушка его матери
На банном полоке сидит, наверное.
Длиной в метр, толщиной с нитку
<У него> свисает, наверное)
[Анисимов, Пчеловодова 2024, 255].

Аналогично частушкам *гондыр эктытон* тексты *ошорок такмакѣс* насыщены откровенной сексуальной образностью. Мотивы лишения невинности («продырявил вульву девушки»), указание гениталий («вульва-пенис», «длиной в метр, толщиной с нитку») подчеркивают связь с плодородием. Частушки, общие для обоих обрядов, указывают на их функциональную близость: оба ритуала используют эротику как инструмент магического воздействия. Образы «мышки, прогрызающей угол бани», метафорически отсылают к сексуальному акту и нарушению границ. В обрядовой культуре удмуртов мышь обладает символической значимостью. В частности, в обрядах, связанных с пубертатным переходом девушек, встречается ритуал *шыр сюан* (мышьяная свадьба / свадьба мышки). Здесь мышь выступает как метафорическое воплощение половых органов — пениса или вульвы [Владыкина 2018, 186]. Исполнение такого текста в рамках указанных обрядов может интерпретироваться как аллюзия на дефлорацию, т. е. физиологический и символический акт превращения девушки в женщину.

Сйзъыл пöртмаськон / Пукро(-у) / шыр сюан. Другим важным праздником в календарном цикле удмуртов было осеннее ряжение *сйзъыл пöртмаськон / Пукро* — праздник окончания полевых работ. Традиция осеннего ряженья встречается в западных районах (Увинском, Селтинском, Сюмсинском, отчасти Якшур-Бодьинском), а также в юго-западной части Удмуртии (Кизнерский р-н).

⁴ С текстами песен и их нотными примерами можно подробнее ознакомиться в издании, посвященном обрядовым напевам закамских удмуртов: [Анисимов, Пчеловодова 2024].

Традиция ряженья у кизнерских удмуртов отличается от аналогичной традиции западных районов своей функциональной направленностью — выраженной плодородящей функцией. В Кизнерском районе *сйзыл пӧртмаськон* приурочен к церковному празднику Покрова, поэтому чаще носит название *Пукро*. В некоторых деревнях ритуал называют *шыр сюан* (мышьяная свадьба = «свадьба-vulva»). Название *шыр сюан* прямо указывает на эротическую символику, где «мышь» метафорически соотносится с женскими гениталиями, а «свадьба» — с актом оплодотворения.

По материалам Р. А. Чураковой, праздник в старину длился неделю (в недавнем прошлом — 2–3 дня). Второй день (*пӧртмаськон* или *шыр сюан*) давал название всему празднику и был началом игрищ, направленных на магическое воздействие на плодоносящие силы природы. Юноши и девушки, ряженные в вывернутые шубы/тулупы, шапки (девушки — в мужскую одежду), обходили дворы. Если хозяева открывали ворота, гости заходили в дом, становились в круг, двигались посолонь, притопывая и распевая песню *пукро гур*. Гости вели себя бойко, дурачились, прыгали, называя себя *моторъёс* (охальники).

Ведущая идея праздника — оплодотворение во имя продления рода и плодородящей силы земли — ярко выражена в песне (*пукро гур* или *шыр сюан гур*), которую пели со второго дня во время обхода дворов. Тексты песен были пронизаны магией продуцирования, а некоторые образы прямо или намеком указывали на детородные органы [Чуракова 1999, 13–14]:

Усьты но(й) усьты, пасё тукыле,
Усьты но(й) усьты, пасё тукыле.

Усьты но(й) усьты, ныдо кудое!
Усьты но(й) усьты, ныдо кудое!

(Открывай, открывай, сватя с дыркой,
Открывай, открывай, сватя с дыркой.

Открывай, открывай, сват с черенком!
Открывай, открывай, сват с черенком!
(д. Гучин-Бодья, Кизнерский р-н, УР)
[Там же, 87].

Намеки становятся общим поэтическим приемом, характерным для песен этого обряда:

<...> Кубыста п...да сиеммы потэ,
Кубыста п...да сиеммы потэ.

Губи напырез сиеммы потэ,
Губи напырез сиеммы потэ

(<...> Капусту-п...ду есть хочется,
Капусту-п...ду есть хочется.

Грибную гущу есть хочется,
Грибную гущу есть хочется)
(д. Старая Омга, Кизнерский р-н, УР)
[Там же, 102–103].

<...> Гур выльсен сэндрае сузе гогомы,
Гур выльсен сэндрае сузе гогомы.

Выж вылэ выд али, выж пасья каром,
Выж вылэ выд али, выж пасья каром

(<...> С печки до полатей достает мой гого,
С печки до полатей достает мой гого.

Ложись-ка на пол, шириной с половицу
сделаем,

Ложись-ка на пол, шириной с половицу
сделаем)

(д. Чуштаскем, Кизнерский р-н, УР)
[Там же, 108–109].

Песни насыщены эротическими мотивами, выраженными как прямо, так и через метафоры. Например, текст «Открывай, сватя с дыркой, / Открывай, сват с черенком!» откровенно отсылает к женским и мужским гениталиям, представляя их в образе «сватя с дыркой» и «свата с черенком». Подобные метафоры в песнях осеннего ряженья символизируют половой акт как ритуальное объединение полов для магического обеспечения плодородия. Использование образов овощей

и грибов для аллегорического обозначения гениталий подчеркивает связь сексуальности с урожаем. Прямое обозначение мужских и женских гениталий (*нитёк, гого*) в текстах песен усиливает эротический подтекст, представляя сексуальный акт как часть ритуального «озорства».

На этом празднике овощи (репа, морковь, свекла, картошка и т. д.) играют двойную роль: они символизируют урожай и одновременно выступают фаллическими или вагинальными символами. Их навешивание на ряженных усиливает магический эффект, связывая плодородие земли с репродукцией человека.

Ряженье в вывернутые шубы и мужскую одежду, соломенные шляпы с лентами и поведение *моторёс* (охальников), как и в предыдущих примерах, создают перевернутый мир, где временно отменяются социальные нормы. Гендерная инверсия (девушки в мужской одежде) и дурачества (прыжки, кривляние) опять же подчеркивают ритуальный хаос, необходимый для магического обновления. Обход дворов и пение песен с эротическим подтекстом усиливают эффект, вовлекая сообщество в коллективное действие, направленное на обеспечение плодородия. В песнях нередко используют пространственные образы для эротических намеков: «С печки до полатей достает мой гого». Эти образы, как и в других обрядах, подчеркивают телесность как источник плодородия. По мнению Р. А. Чураковой и В. И. Ереминой, ряженье с гиперболизированным акцентом на производящей силе человека было направлено на магическое воздействие на природу. В этом контексте символические браки и оргии рассматривались как ритуалы, способствующие повышению плодородия почвы [Еремина 1991, 126; Чуракова 1999, 15].

МОТИВЫ СЕКСА И ЭРОТИКИ В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Особое значение обрядовый эротизм имеет также в ритуалах семейного цикла: например, торжество в честь рождения младенца *нуны сюан* (свадьба новорожденного) / *каша* и свадьба *сюан-бёрьсь*.

Нуны сюан / каша / зыбок. В обряде, посвященном рождению ребенка, тема сексуальности особенно ярко проявляется у южных удмуртов прежде всего в частушках обряда — *нуны сюан / каша гур* (напев <обряд> свадьбы новорожденного / каша).

Одна из пожилых женщин ударяет по железной заслонке ножом, ложкой или кочергой, задавая ритм и запевая флигельные песни. Остальные танцуют по кругу в центре дома; по другим сведениям, плясали все, кроме матери, а отец участвовал обязательно [Бойкова, Владыкина 1992, 15]. Во время пляски женщины поддевали черенком печной метлы [Там же]. Заслонка, по которой наносятся удары, может символизировать женское лоно, а ритмичные удары — родовой или сексуальный акт (рис. 1).

К празднику готовят обрядовые предметы, символизирующие мужские и женские гениталии (морковь и две картошины, огурец и яблоки, паклю, мочалку, терку и др.). Их привязывают между ног и, разыгрывая шуточное соитие, бегают

Рис. 1. Демонстрация игры на заслонке и танца во время обряда *нуны сюан*, д. Верхняя Малая Салья Киясовского района Удмуртии. 2020 г.
Фото Н. В. Анисимова

Fig. 1. Demonstration of the game on the shutter and dance during the rite of Nuna Xuan, Verkhnyaya Malaya Salya vil., Kiyasovsky dist., Udmurtia. 2020.
Photo by N. V. Anisimov

за участниками. Эти атрибуты, как и овощи в обряде *сйзыл пёртмаськон*, связывают эротические мотивы с идеей плодородия и рождения.

В это же время женщины пытаются снять штаны с отца (или деда) ребенка, чтобы символически показать его мужское достоинство — инструмент зачатия. Иногда родителей заталкивают под стол, имитируя половой акт под бурные возгласы. Эти комические действия символически воспроизводят акт зачатия для восстановления репродуктивной силы, акцентируя роль отца как продолжателя рода и подчеркивая преемственность поколений.

Праздник может включать обрядовый травестизм (женщины переодеваются в мужчин и наоборот), а также непристойное поведение. Элементы карнавальской инверсии, вульгарность и шуточное «насилие» создают атмосферу ритуального хаоса. Участие ведущей-старушки и подбадривающие возгласы усиливают коллективный характер и вовлечение общества в магическое действо.

Песни и символические эротические действия обряда инсценируют появление новорожденного. Согласно народным воззрениям, это восстанавливает детородную силу родителей, утраченную при рождении ребенка, и магически стимулирует половые способности всех участников. Поэтому участие в обряде особо рекомендовалось супружеским парам, испытывающим трудности с зачатием.

Ниже приведем тексты песен, которые южные удмурты исполняют поныне в обряде, посвященном рождению ребенка.

Нуны сюан гур

Сэзьяське-веттаське,
Мур гуосы лэзьяське.
Пыре-потэ — вöсь каре,
Мылкыдэз каньыл каре.

Гурвыл шорын писэй чечча,
Гурвыл пöсьлы чидатэк.
«Марым» шорын «марым» чечча,
«Марым» пöсьлы чидатэк.

(Напев обряда свадьбы новорожденного

Качается-болтается,
В глубокие ямы опускается.
Входит-выходит — делает больно,
Настроение успокаивает
(букв. делает легким).

На печи кошка скачет,
Не стерпев жара печи.
В центре «этой» «этот» скачет,
Не стерпев жара «этой»
(д. Дубровский, Киясовский р-н, УР)
[Анисимов, Вершинина, Пчеловодова 2011,
34].

Каша гур / кырзаньёс

Пыри но, понй но, потй но кошки,
«Чулан ёссэ» пась кельтй.
Сердце понса каремын но,
Дэрем-майка кесямын.

Ведь верай вал, ведь верай вал
«Сеникетй эн ветлы!
«Силь пасяд» куро мертчиз ке,
Берло бёрдса эн ветлы».

«Пу пылыны» потйсько но,
Кышноме вьлэ тубтйсько,
Кышноме вьлэ тубтйсько.
«Ать каронзэ» адзисько.

Луд бөдёно мар шуэ?
«Куать-пatak но», — со шуэ.
Виль эмеспи мар шуэ?
«Вай пatakтэ», — со шуэ.

(Напев/песни <обряд> каша

Вошел да, положил да, вышел да ушел,
«Дверь ее чулана» оставил открытой.
С сердцем <дело> сделано да,
Платье-майка разорваны.

Ведь говорила было, ведь говорила было:
«По сеновалу не ходи!
Если солома в твое «мясистое отверстие»
воткнется,

Потом рева не ходи».

Выхожу «колоть дрова» да,
Свою жену на себя поднимаю,

Свою жену на себя поднимаю,
Вижу ее «жмурку».

Дикая перепелка как кричит?
«Куать-патьяк⁵» да, она кричит.
Новый зять что говорит?
«Дай свою вульву», — он говорит)
(д. Баграш-Бигра, Малопургинский р-н, УР,
2016, 2021 гг.) [ПМА 2016, 2021].

Нуны сюан гур

Шып-ляп кариллям но
Туннэ кыре поттыллям.

(Напев обряда свадьбы новорожденного)

Тихо-тихо сотворили, да,
Сегодня всё раскрылось)
(д. Варзи-Ятчи, Алнашский р-н, УР)
[Бойкова, Владыкина 1992, 111].

Анализ песенных текстов выявляет богатый спектр символов, метафор и прямых отсылок к сексуальности и плодородию. Эти песни, сопровождающие танцы и ритуальные действия, играют важную роль в магическом воспроизведении зачатия и рождения, а также в стимулировании репродуктивной силы. Примечательна их редкая для удмуртских обрядов прямота, подчеркивающая специфику обряда, сфокусированного на физическом процессе зачатия.

Песни *нуны сюан гур* уникальны для удмуртских обрядов из-за откровенного описания сексуального акта, в отличие от обычной метафорической эротики. Тексты прямо описывают физические аспекты соития, используя глаголы движения, телесные образы и генитальную символику. Например, слова «качается-болтается» и «входит-выходит» прямо описывают половой акт через метафоры движения и проникновения.

Помимо прямых описаний, в текстах присутствуют метафоры и аллегории, маскирующие эротику, но сохраняющие магический подтекст, что типично для аграрных ритуалов. Используются образы телесности, природы и быта (например,

«кошка скачет на печи» и «жар» как метафора страсти/возбуждения). Эвфемизмы (вроде «*марым*» или неопределенных местоимений) смягчают откровенность. Зачатие может описываться метафорически как тайный акт, результат которого «раскрылся». Как и в календарных песнях, эти метафоры требуют культурной компетенции для «разгадывания», усиливая их магическую и игровую функции. Песни и ритуальные действия вместе формируют целостный и уникально откровенный нарратив, символически воспроизводящий зачатие и рождение.

Сюан-бõрысь. Традиционная свадьба — еще один обрядовый контекст с мотивами сексуальности. На второй день, во время обряда *ныл/кен пылатон* (обливание молодухи/снохи) в доме жениха, поезжане могут переодеваться в мужчину и женщину, надевать предметы, изображающие половые органы, гоняться за участниками и имитировать символическое соитие, подобно тому, как это происходит во время обряда в честь новорожденного.

Рассматриваемый мотив выражается и в приготовлении *табаней* (лепешек из кислого теста), которые могут выпекать в форме мужских и женских гениталий. На «мужское достоинство» иногда наносят соус *зырет*, символизирующий семя. Устраивается аукцион, где гости соревнуются за эту выпечку. Аукцион превращает ритуал в групповой процесс, в котором участники символически «покупают» плодородие, усиливая связь сексуальности с продолжением рода (рис. 2).

В свадебных песнях южных удмуртов *сюан гур* (свадебный напев со стороны жениха) и *бõрысь/ярашон гур* (свадебный напев со стороны невесты) имеют место эротические мотивы, выраженные через метафоры, эвфемизмы, а иногда даже прямые вульгарные выражения. Эти тексты выполняют магическую функцию, обеспечивая плодородие молодой пары и их успешное вхождение в новую социальную роль.

⁵ Звукоподражание, на ассоциативном уровне отсылающее к понятию «вульва».

Рис. 2. Табани, испеченные в форме мужских и женских гениталий на второй день свадьбы в доме жениха. Д. Старая Салья Киясовского района Удмуртии. 2018 г.
Фото Н. В. Анисимова

Fig. 2. Tabani baked in the form of male and female genitalia on the second day of the wedding in the groom's house. Staraya Salya vil., Kiyasovsky dist., Udmurtia. 2018.
Photo by N. V. Anisimov

Наиболее частый образ — *шашыё ошмес* (поросший осокой родник), который обозначает женские гениталии, а через них саму молодницу. Этот образ, как правило, появляется в песнях поезжан со стороны жениха *сюан гур*, которым поставлено условие не возвращаться без молодухи:

Милям гынэ быратмы мар но вераса ӧз
лзэь:
«Шашыё но ошместэк эн бертэлэ», — со
шуиз,
«Шашыё но ошместэк эн бертэлэ», — со
шуиз.

(Наш да брат о чем нас попросил:
«Без поросшего осокой родника
не возвращайтесь», — он сказал,
«Без поросшего осокой родника
не возвращайтесь», — он сказал)
(д. Нижние Юри, Малопургинский р-н, УР)
[Вершинина, Владыкина 2014, 77].

Через образ «поросшего осокой родника» подчеркивается важность «добычи» невесты как символа плодородия, где «родник» ассоциируется с жизненной силой и репродукцией, а «осока» добавляет образу природной дикости, усиливая эротический подтекст.

В текстах песен объявляется и о том, что с отправлением свадьбы девушка и юноша «созреют» окончательно, станут полноценными членами общества, а после брачной ночи молодуха забеременеет:

Сюан гур

Ой, кема(й) ук, кема(й) ук но, туж
но кема(й) ук,
Жуштэм гынэ бон кенъёсмь ук, ой но,
жушъяськоз.
Жуштэм гынэ бон кенъёсмь ук, ой но,
жушъяськоз

(Свадебный напев рода жениха

Ой, и долго же, и долго же, очень уж долго,
Небеременная, да ведь, сноха, да, ой да,
забеременеет.
Небеременная, да ведь, сноха, да, ой да,
забеременеет)
(д. Кузюмово, Алнашский р-н, УР)
[Бойкова, Владыкина 1992, 58].

Тексты свадебных песен могут содержать и подробности брачной ночи:

Мамык валес валемын;
Со валес но, ой, вылын
Кеж миндертъёс тыремын;
Со шобрет но, ой, улын
Пар жуась зичиос.

Со зичиосты зичи ик
Кожасез но вань меда?
Соос, пе, но луозы
Милям Васяен но Аляен

(Пуховая перина постелена;
На ту да, ой, перину
В холщовых наволочках подушки положены;
Под тем, ой, покрывалом
Пара красных (горящих) лисиц.

Имеются ли <люди>, кто тех лисиц
За лисиц же принимает?
Они-де будут да
Наши Вася и Аля)
(с. Завьялово, Завьяловский р-н, УР)
[Кельмаков 1990, 88].

В этом примере явно описывается брачное ложе: «Пуховая перина постелена; / На ту да, ой, перину / В холщовых наволочках подушки положены», а «Пара красных (горящих) лисиц» метафорически изображает молодоженов в страстном акте. Лисицы как символ хитрости и сексуальной энергии подчеркивают эротический подтекст брачной ночи.

Песни со стороны невесты (*бõрысь/ ярашон гур*) отличаются откровенной вульгарностью, что допустимо в ритуальном контексте как форма антиповедения. В приведенных ниже примерах используется грубая лексика для создания комического эффекта и ритуального «высмеивания» родственников жениха, которая усиливает карнавальную инверсию, при которой обычные нормы морали временно отменяются.

Бõрысь гур

Кылёд ук, кылёд ук, ой, аapie,
Колялэн чõг йылаз шедьыса.
Кылёд ук, кылёд ук, ой, аapie,
Колялэн чõг йылаз шедьыса.

Бодёно мар шуэ?

«Куать-патьяк», — со шуэ.

Милям кырси мар куре но?

«Вай патяктэ», — со шуэ.

(Свадебный напев рода невесты)

Останешься ведь, останешься ведь, ой,
сестрица,
Зацепившись на конце крючка Коли.
Останешься ведь, останешься ведь, ой,
сестрица,
Зацепившись на конце крючка Коли.

Перепелка как кричит?

«Куать-патьяк», — она кричит.

Наш зять что просит да?

«Дай свою вульву», — он говорит)

(д. Зяглюд-Какся, Вавожский р-н, УР. 2013 г.)
[ПМА 2013].

Говоря о современных свадьбах, нельзя не упомянуть различные конкурсы, проводимые тамадой или самими участниками, в которых откровенно присут-

ствуют намеки на эротику и секс. Однако в современных условиях такие элементы приобрели исключительно развлекательно-юмористическую функцию.

ВЫВОДЫ

Исследование мотивов сексуальности и эротики в традиционной культуре удмуртов выявило их значимость как важного элемента архаической обрядовой системы, направленной на магическое обеспечение плодородия, продолжения рода, обновления природы и социального статуса. Эти мотивы, несмотря на свою табуированность и деликатность в повседневной жизни удмуртов, занимают центральное место в рассмотренных календарных и семейных обрядах, где они выражаются через песни, ритуальные действия, символические предметы и благопожелания. Анализ показал, что эротическая и сексуальная символика в удмуртской культуре выполняет не только развлекательную, но и сакральную функцию, связанную с аграрной и социальной магией.

Мотивы сексуальности и эротики проявляются на нескольких уровнях: от откровенно вульгарных выражений (например, в песнях *бõрысь гур* или *нуны сюан гур*) до завуалированных метафор и эвфемизмов (напр., «поросший осокой родник», «дверь чулана», «щепоть семян»). В обрядовых напевах нередко также используются прямые отсылки к гениталиям и половому акту, а также сложные аллегории, требующие культурной компетенции для интерпретации. Ритуальные атрибуты (табани в форме гениталий, морковь, репа) и действия (травестизм, шуточное «насилие», обнажение) усиливают вербальную символику, создавая цельную образную систему.

Все рассмотренные обряды характеризуются карнавальными инверсиями, где нарушение социальных норм (гендерная смена ролей, вульгарные песни, имитация соития) служит магической цели. Ряженые в вывернутые шубы, использование фаллических (морковь, огурец и др.) и вагинальных (пакля, терка, заслонка и др.)

атрибутов и действия (например, погоня или «оголение» участников) создают временный хаос, необходимый для обновления жизненной силы. Этот аспект особенно ярко проявляется в обрядах *ошорок* (где старушки играют «мужскую» роль), *нуны сюан* (с травестизмом и попытками снять штаны с отца) и *сюан-бёрись* (с обрядом *кен пылатон*).

Эротическая символика в песнях и действиях была направлена на стимулирование репродуктивных сил человека и природы. В календарных обрядах она связана с аграрной магией, пробуждением земли и обеспечением урожая, что подчеркивается образами овощей, семян и «посева». В семейных обрядах акцент смещен на продолжение рода, восстановление детородной функции и интеграцию молодых в сообщество. Например, в *нуны сюан* шуточное воспроизведение зачатия (заталкивание родителей под стол, танцы с заслонкой) и песни с мотивами «входа-выхода» символически закрепляют рождение ребенка, а в *сюан-бёрись* благопожелания и образы «родника» или «лисиц» обеспечивают будущую беременность. По словам Т. Г. Владыкиной, «...исполнение песен фривольного содержания было своеобразной проверкой на понимание

иносказания, демонстративное употребление лексики о взаимоотношениях полов объяснялось снятием табу на вербальные ограничения в обыденной жизни» [Владыкина 2018, 195].

В современной культуре удмуртов сакральный смысл эротических мотивов постепенно утрачивается под влиянием христианизации, моральной цензуры и модернизации. Большая часть из рассмотренных обрядов исчезли, а их песни сохраняются лишь в памяти старшего поколения. В обрядах семейного цикла эротические элементы продолжают локально существовать, но все чаще воспринимаются как «постыдные» или «дурные». Современные свадебные конкурсы хотя и сохраняют эротические намеки, но уже носят исключительно развлекательный характер, утрачивая магическую функцию.

На данном этапе исследование мотивов сексуальности и эротики в удмуртской культуре является первым шагом в рассмотрении этой малоизученной темы. В будущем требуется углубленный анализ других аспектов и нюансов данной проблематики, особенно в условиях стремительного угасания традиционных фольклорных жанров и обрядов, связанных с этими мотивами.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы Н. В. Анисимова.

Исследования

Агапкина, Топорков 2001 — Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб.: Алетейя, 2001. С. 11–25.

Анисимов, Вершинина, Пчеловодова 2011 — Анисимов Н. В., Вершинина Е. Б., Пчеловодова И. В. Тигырменские мелодии: песни тигырменских удмуртов Киясовского района Удмуртской Республики. Ижевск: Респ. дом нар. творчества — Дом молодежи, 2011. (Народное творчество Удмуртии).

Анисимов, Пчеловодова 2024 — Анисимов Н. В., Пчеловодова И. В. Песни закамских удмуртов. Вып. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2024. (Удмуртский фольклор).

Атаманов-Еграпи 2020 — Атаманов-Еграпи М. Г. От Вятки и Камы до Оби и Енисея — путь неблизкий: из экспедиционных дневников ученого. Ижевск: Шелест, 2020.

Бойкова, Владыкина 1992 — Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Вып. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. (Удмуртский фольклор).

Вершинина, Владыкина 2014 — Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. (Удмуртский фольклор).

Владыкин 1994 — Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.

Владыкина 2018 — Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: МонПоражён, 2018.

Владыкина, Глухова 2011 — Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. (Удмуртская обрядовая азбука).

Еремина 1991 — *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор / Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991.

Качинская 2017 — *Качинская И. Б.* Народная эротика в эвфемизмах (по материалам архангельских говоров). Ч. 1: Женские половые органы // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2017. Т. 25. № 2. С. 109–137.

Качинская 2018 — *Качинская И. Б.* Народная эротика в эвфемизмах (по материалам архангельских говоров). Ч. 2: Мужские половые органы // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2018. Т. 26. № 1. С. 70–85.

Кельмаков 1990 — *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1990.

Миннихметова 2000 — *Миннихметова Т. Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000.

Напольских 2015 — *Напольских В. В.* Очерки по этнической истории. Казань: Казанская недвижимость, 2015.

Первалова 1992 — *Первалова Е. В.* Эротика в культуре хантов // *Модель в культурологии Сибири и Севера: Сб. науч. тр.* Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 85–97.

Русских 2019 — *Русских Т. Н.* Коммуникативное поведение современных удмуртов: Монография / Науч. ред. Е. В. Попова. Ижевск: АлкиД, 2019.

Секс и эротика 1996 — Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996.

Чернецкая 2006 — *Чернецкая О. В.* Межкультурные различия представлений о сексуальности у русских и финнов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Чуракова 1999 — *Чуракова Р. А.* Песни южных удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. (Удмуртский фольклор).

Щеглов 2010 — *Щеглов Л. М.* Эрос в зеркале культуры // *Философские науки*. 2010. № 4. С. 84–93.

Eros 2002 — *Eros in Folklore / Ed. by Mihály Hoppál, Eszter Csonka-Takács.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 2002.

© Н. В. Анисимов, Г. А. Глухова, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Н. В. <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

PhD/Кандидат филологических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета: Российская Федерация, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2; тел.: +7 (3412) 68-16-10; старший научный сотрудник отдела фольклористики Эстонского литературного музея: Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуизе, д. 42; e-mail: kyldysin@yandex.ru

Глухова Г. А. <https://orcid.org/0000-0001-5885-2693>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета: Российская Федерация, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2; тел.: +7 (3412) 68-16-10; e-mail: galant@udm.ru

Motifs of Sexuality and Eroticism in the Calendar and Family Rituals of the Udmurts: Symbolism and Ethnocultural Distinctiveness

Nikolai V. Anisimov

(Udmurt State University: 1, bld. 2, Universitetskaya str.,
Izhevsk, 426034, Russian Federation;
Estonian Literary Museum: 42, Vanemuise, Tartu, 51003, Estonia)

Galina A. Glukhova

(Udmurt State University: 1, bld. 2, Universitetskaya str.,
Izhevsk, 426034, Russian Federation)

Summary. This study addresses one of the least explored topics in Udmurt ethnography and folklore — motifs of sexuality and eroticism in the traditional culture of the Udmurts. Despite the taboo nature of this sphere and its marginal status in everyday communication, erotic and

sexual symbolism occupies a significant place in the system of calendar and family rituals. In calendar (gondyr ektyton, oshorok, sizyl pörtmaskon) and family (nuny syuan, syuan-börys) rituals, motifs of sexuality are manifested in songs, ritual actions, and material symbols that perform the functions of agrarian, productive, and reproductive magic. The study demonstrates that ritual eroticism among the Udmurts encompasses a wide range of forms — from explicitly vulgar expressions to metaphors and subtle euphemisms. Its carnivalesque nature is reflected in the temporary suspension of social and verbal taboos, turning such rituals into spaces of symbolic freedom and renewal. Attention is paid to the mechanisms of ritual inversion, ritual gender change, and the symbolic reenactment of conception, which function as means of magical influence on the fertility of both nature and human beings. The source base of the research consists of field materials as well as published folkloric and ethnographic texts. The article represents the first comprehensive analysis of this topic based on Udmurt material and reveals its ethnocultural specificity.

Key words: Udmurts, ritual eroticism, sexuality and eroticism in culture, productive rituals, frivolous songs, frivolous vocabulary, sexual magic.

Acknowledgements. We express the gratitude to Anna Timirzyanovna Baidullina, Yana Leonidovna Zaitseva and Tatyana Arkadyevna Khokhryakova for their assistance in collecting material, as well as Tatyana Grigorievna Vladykina for valuable comments in the preparation of this article.

Received: September 30, 2025.

Date of publications: March 30, 2026.

For citation: Anisimov N. V., Glukhova G. A. Motifs of Sexuality and Eroticism in the Calendar and Family Rituals of the Udmurts: Symbolism and Ethnocultural Distinctiveness. *Traditional Culture*. 2026. Vol. 27. No. 1. Pp. 67–81. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.1.006>

References

Agapkina T. A., Toporkov A. L. (2001) Ritual'noe obnazhenie v narodnoi kul'ture slavyan [Ritual Nudity in the Folk Culture of the Slavs]. In: *Mifologiya i povsednevnost': Gendernyi podkhod v antropologicheskikh distsiplinakh* [Mythology and Everyday Life: The Gender-Based Approach in Anthropological Disciplines]. St. Petersburg: Aleteiya. Pp. 11–25. In Russian.

Anisimov N. V., Pchelovodova I. V. (2024) *Pesni zakamskikh udmurtov* [Songs of Eastern Udmurts]. Iss. 1. Izhevsk: UIIYAL URO RAN. In Russian, English and Udmurt.

Anisimov N. V., Vershinina E. B., Pchelovodova I. V. (2011) *Tigymenskije melodii: pesni tigymenskikh udmurtov Kiyasovskogo raiona Udmurtskoi Respubliki*. [Tigymen Melodies: Songs of the Tigymen Udmurts of the Kiyasovo District, Udmurt Republic]. Izhevsk: Resp. dom nar. tvorchestva — Dom molodezhi. In Russian and Udmurt.

Atamanov-Egrapi M. G. (2020) *Ot Vyatki i Kamy do Obi i Eniseya — put' neblizkii: iz ehkspeditsionnykh dnevnikov uchenogo* [From the Rivers Vyatka and Kama to the Ob and the Yenisei: Is Not a Short Trip: From a Scholar's Field Notes]. Izhevsk: Shelest. In Russian.

Boikova E. B., Vladykina T. G. (1992) *Pesni yuzhnykh udmurtov* [Songs of the Southern

Udmurts]. Iss. 1. Izhevsk: UIIYAL URO RAN. In Russian and Udmurt.

Chernetskaia O. V. (2006) *Mezhkul'turnye razlichiya predstavlenii o seksual'nosti u russkikh i finnov* [Cross-Cultural Differences in Concepts of Sexuality among Russians and Finns]. Abstract of PhD dissertation. Moscow. In Russian.

Churakova R. A. (1999) *Pesni yuzhnykh udmurtov* [Songs of the Southern Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL URO RA. In Russian and Udmurt.

Eremina V. I. (1991) *Ritual i fol'klor* [Ritual and Folklore]. Ed. by A. A. Gorelov. Leningrad: Nauka. Leningr. otd.-nie. In Russian.

Hoppál M., Csonka-Takács E. (eds.) (2002) *Eros in Folklore*. Budapest: Akadémiai Kiadó. In English.

Kachinskaia I. B. (2017) *Narodnaya erotika v evfemizmax (po materialam arkhangel'skikh govorov)*. Ch. 1. *Zhenskie polovye organy* [Folk Erotica in Euphemisms (Based on Arkhangelsk Dialects). Part 1. Female Genital Organs]. *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2017. Vol. 25. No. 2. Pp. 109–137. In Russian.

Kachinskaia I. B. (2018) *Narodnaya erotika v evfemizmax (po materialam arkhangel'skikh govorov)*. Ch. 2. *Muzhskie polovye organy* [Folk Erotica in Euphemisms (Based on Arkhangelsk

Dialects). Part. 2. Male Genital Organs]. *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2018. Vol. 26. No. 1. Pp. 70–85. In Russian.

Kel'makov V. K. (1990) *Obraztsy udmurtskoi rechi 2: Sredinnye govory* [Samples of Udmurt Speech 2: Central Dialects]. Izhevsk: Udmurtiya. In Russian and in Udmurt.

Minniyakhmetova T. G. (2000) *Kalendarnye obryady zakamskikh udmurtov* [Calendar Rituals of the Eastern Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL URO RAN. In Russian and in Udmurt.

Napolskikh V. V. (2015) *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Essays on Ethnic History]. Kazan': Kazanskaya nedvizhimost'. In Russian.

Perevalova E. V. (1992) *Erotika v kul'ture khantov* [Erotica in the Culture of the Khanty]. In: *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa: Sbornik nauchnykh trudov* [The Model in the Culturology of Siberia and the North: A Collection of Scholarly Works]. Ekaterinburg: URO RAN. Pp. 85–97. In Russian.

Russkikh T. N. (2019) *Kommunikativnoe povedenie sovremennykh udmurtov* [Communicative Behaviour of Contemporary Udmurts]. Ed. by E. V. Popova. Izhevsk: AlkID. In Russian.

Shcheglov L. M. (2010) *Eros v zerkale kul'tury* [Eros in the Mirror of Culture]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2010. No. 4. Pp. 84–93. In Russian.

Toporkov A. L. (comp.) (1996) *Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture* [Sex and Erotica in Russian Traditional Culture]. Moscow: Ladimir. In Russian.

Vershinina E. B., Vladykina T. G. (2014) *Pesni yuzhnykh udmurtov* [Songs of the Southern Udmurts]. Iss. 3. Izhevsk: UIIYAL URO RAN. In Russian and in Udmurt.

Vladykin V. E. (1994) *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [The Religious and Mythological Worldview of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtiya. In Russian.

Vladykina T. G. (2018) *Udmurtskii fol'klornyi miretekst: obraz, simvol, ritual* [The Udmurt Folkloric World-Text: Image, Symbol, Ritual]. Izhevsk: MoNPorazhen. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. (2011) *Ar-god-bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya* [Ar-God-Bergan: Rites and Holidays of the Udmurt Calendar]. Izhevsk: Udmurtskii universitet. In Russian and Udmurt.

© N. V. Anisimov, G. A. Glukhova, 2026

ABOUT THE AUTHORS

Nikolai V. Anisimov <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

E-mail: kyl dysin@yandex.ru

Tel.: +7 (3412) 68-16-10

1, bld. 2, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Udmurt State University; 42, Vanemuise str., Tartu, 51003, Estonia; Senior Researcher, Folklore Department, Estonian Literary Museum

Galina A. Glukhova <https://orcid.org/0000-0001-5885-2693>

E-mail: galant@udm.ru

Tel.: +7 (3412) 68-16-10

1, bld. 2, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Udmurt State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)